

Полковник
Сергей Баранов

ФСБ в СМОКИНГЕ

Часть вторая. Преданный
Родиной

Полковник Сергей Баранов

**ФСБ в смокинге. Часть
вторая. Преданный Родиной**

«Издательские решения»

Полковник Сергей Баранов

ФСБ в смокинге. Часть вторая. Преданный Родиной / Полковник Сергей Баранов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904937-7

Предоставление убежища американцу, проникшему в святая святых АНБ, взрывы в Волгограде, противостояние ФСБ и Следственного комитета — эти темы освещаются здесь с непривычной стороны — глазами их непосредственного участника, обладающего такой информацией, от которой волосы становятся дыбом. Из повествования мы узнаем о том, что ФСБ носит не только военную форму, но и деловые костюмы, и смокинги, внедряясь в самые недра общества и не всегда выполняя возложенную на нее законом задачу...

ISBN 978-5-44-904937-7

© Полковник Сергей Баранов
© Издательские решения

ФСБ в смокинге

Часть вторая. Преданный Родиной

Полковник Сергей Баранов

Иллюстратор Сергей Баранов

© Полковник Сергей Баранов, 2018

© Сергей Баранов, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-4937-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Суд удаляется в совещательную комнату...

В течение всего заседания Антон не сводил глаз с молодой адвокатессы, пришедшей защищать его оппонентов. Смотрел он на неё снисходительно, главным образом, той той причине, что она, по его мнению, допустила одну из грубейших адвокатских ошибок, допускаемых его коллегами в гражданских делах – она пришла в процесс вместе с доверителями. Специфика гражданских дел и их отличие от уголовных состоит именно в том, что в 90% случаев присутствие в заседаниях самих сторон не является обязательным. Наши граждане, отличающиеся скандальностью и взрывными чертами характера, сами спешат впереди своих адвокатов и представителей в суды и прочие юрисдикционные органы, жаждут встречи с судьёй и неистово сокрушаются, стоит служителям Фемиды высказать им в глаза своё мнение о них, практически никогда не совпадающее с их собственным. И причина, как ни странно, опять-таки даже не в высокоуважаемых представителях судейской профессии, а в том, что, по меткому русскоязычному выражению, беда тому, кто является в чужой монастырь со своим уставом. Судьи, а равно – кровельщики, шахтёры, сварщики – привыкли общаться на языке, чуждом основной части русскоговорящего населения в силу полной правовой безграмотности последнего. Эдакий узаконенный сленг. И оттого, когда с ним начинают разговаривать на языке, отличном от их наречия, они, если не приходят в ярость, то проваливаются в произвольно образованную между ними и их посетителями яму непонимания, увлекая заодно за собой своего собеседника. Вот вам и непонимание. Вот вам и причина, по которой в последнее время так возросла престижность профессии адвоката – посредника между отправителем и адресатом правосудия. Вместе с тем, далеко не всегда доверитель доверяется адвокату всецело, предпочитая личным присутствием в суде, как он считает, контролировать качество работы юриста, а в действительности – зачастую мешать ему в своей работе. Имевший за плечами 10-летний стаж адвокатской деятельности Антон хорошо это знал. Ему не понаслышке были известны случаи, когда, поднимаясь с места после выступления правозащитника, клиент двумя-тремя словами так ломал правовую позицию своего адвоката, что от неё камня на камне не оставалось. А доведись ему ещё и вступить в диалог с председательствующим судьёй – вообще пиши пропало, ещё и Бог знает, сколько времени потратишь, прежде чем восстановишь махом испорченные отношения со служителем Титаниды, завязавшей глаза перед контрольным взвешиванием. Потому-то и пожалел Северин свою малоопытную коллегу по цеху. Сейчас он смотрел на неё только как на коллегу, но, сложись в его теперешней жизни менее насыщенная амурная картина, не преминул бы возможностью пригласить девушку в ресторан, как это раньше говорилось, со всеми вытекающими из чашечки кофе последствиями. Хотя...

На этой мысли Антона прервала секретарь судебного заседания со словами:

– Пойдёмте на оглашение.

Когда стороны перешагнули порог кабинета, судья бесстрастным голосом стала оглашать итоговую часть вынесенного решения:

– Суд решил: исковые требования удовлетворить. Признать недействительным договор...

Исход дела Антона порадовал. Чего нельзя было сказать о хитром армянском дельце, в мгновение ока оказывавшемся без дома. Правда, незаконно и обманным путём приобретённого, но от этого его ценность в глазах титульного собственника не падала, а, напротив, возрастала. Не успел Антон мысленно сосчитать и потратить гонорар от этого дела, как всё тот же судейский голос объявил судебное заседание открытым. Минуту спустя, Антон, послав снисходительный взгляд терзаемой невольными клиентами оппонентке, выбежал из здания суда, прыгнул в машину и, в ужасе взглянув на часы, что было сил вдавил в пол педаль газа.

– Ты как всегда... – недовольно пробурчала милая девушка лет 30—35, нетерпеливо ожидавшая его у входа в другой суд, располагавшийся на другом конце города, садясь в машину адвоката.

– Ты даже не представляешь, насколько права, – с улыбкой хлопнув задней дверцей, Антон извлёк с пассажирского сиденья машины огромный букет алых роз и вручил его своей спутнице. – Как всегда с цветами для моей принцессы.

– Не здесь же, и так все только и говорят, что о нас с тобой.

– Хорошо, уговорила. До кафе подожду...

Минут 15 спустя Антон со спутницей сидел в уютном загородном кафе «Искра». Сделав весьма respectable заказ, парочка неистово целовалась – благо, в полуденный час народу здесь практически не было, что позволило как Антону, так и его спутнице сохранить и репутации, и чувства сокрытыми от посторонних глаз. Прервать столь увлекательное занятие, решился кавалер.

– Спасибо за Кононову, малышка.

– Всё в порядке? Удовлетворила она твой иск?

– А то. Обычно рычала на меня, а сегодня проявляла чудеса вежливости. Что ты ей там наговорила, интересно?

– Ничего особенного. Я лишь сказала ей, что ты очень умный парень. И адвокат.

– Как говорят американцы, хороший адвокат готовится к процессу, а умный ужинает с судьёй.

– Только ли ужинает? А спит с судьёй какой адвокат?

– Сидящий перед Вами, Ваша честь. Только спит он всё-таки не с судьёй, а, скорее, с любимой женщиной.

С этими словами Антон извлёк из-за пазухи пухлый конверт и опустил его в сумочку своей спутницы.

– Сколько здесь?

– Нормально.

– Забери.

– Ни за что. Во-первых, не хочу, чтобы ты думала, что я с тобой ради выгоды. А во-вторых, всякая работа должна быть оплачена. Это моё непреложное правило.

– Господи, – она посмотрела на него влюблёнными глазами. – Как же долго я искала такого как ты...

– Какого именно?

– Такого, который может принять за женщину решение и затем понести за него ответственность. Настоящего. Живого. Заботливого и любящего. Короче говоря, тебя.

– Не ты одна, – с иронией в голосе парировал Антон.

– Знаю, ещё твоя жена, – она отмахнулась от его реплики, как от назойливой мухи.

– С ней практически всё решено.

– Что именно?

- Завтра поговорю с ней окончательно. А ты?
- Что я? – игриво улыбаясь говорила она.
- Не прикидывайся. Когда ты скажешь обо всём мужу?
- Разве это так важно? Может, оставим всё как есть?
- Послушай, мы столько раз говорили об этом.
- Да знаю я всё. Шучу. Скоро поговорю.
- Надо ещё за кого-то словечко замолвить?
- Угадала.
- Послушай, а тебя не возбуждает обсуждать эти вопросы в интимной обстановке? Лично

меня очень.

Антон посмотрел на свою спутницу ехидно улыбаясь. Ключи от гостиничного номера звякнули в его кармане.

Диспетчерская кипела. Самолёта ждали с минуты на минуту. ФСБшники появились на пороге с интервалом в 10—15 минут и осведомлялись о положении в воздухе.

– Всё по плану? – спросил один из них, старший группы у начальника диспетчерской смены.

– Да, приземление ожидается в течение двух минут... Стой, подожди... – координатор полётов внимательно вслушивался в какие-то переговоры, что шли у него в наушниках. Вдруг он напрягся и начал диктовать то в один микрофон, то в другой: – Освободить седьмую полосу... Подготовиться к посадке 3264...

- Седьмая полоса свободна... Наземные службы к посадке готовы...
- Борт 3264, говорит диспетчер. Посадку разрешаю.

Машина посольства Эквадора подъехала к воротам, ведущим на лётное поле. Посла встречал старший оперативного наряда ФСБ капитан Гридин.

- Доброй ночи, господин посол. У Вас ничего не изменилось?
- Нет Ваши контрагенты на месте?
- Да, но пока себя явно не обнаружили. Данные агентурные.
- Ну, с агентурой у вас всё в порядке. Когда посадка?
- Всё по плану. Посадка должна произойти... – Гридин взглянул на часы, – сейчас.

Командир корабля привёл в готовность все системы и механизмы, отвечающие за посадку и сказал второму пилоту:

- Посадка разрешена. Садимся. Шасси.
- Шасси выпущено.
- Опустить нос.
- Есть опустить нос.
- Штурвальную колонку на себя.
- Есть штурвальную колонку на себя.
- Начинаем снижение. Доклад!
- Скорость 500, высота 1000... Скорость 450, высота 900... Скорость 400, высота 700...
- Резкое снижение, до сваливания!
- Есть!

Компьютер на передней панели сообщил о начале сваливания.

- Доклад!
- Скорость 300, высота 350... Скорость 200, высота 200... Скорость 150, высота 100...
- Скорость заморозить!
- Высота 50...30...10...
- Посадка!

Шасси ударило колёсами о грунт ВПП. Командир что было сил вдавил в пол педаль тормоза. Заскрипели тормозные колодки. Резкий столб атмосферного давления отнёс назад корпус фюзеляжа. Подкрылки амортизировал ветряные потоки. Минуту спустя торможение было закончено, и самолёт начал движение к терминалу, освобождая полосу.

Капитан Гридин вошёл на КПП, и, показав удостоверение маршалу авиационной безопасности, приказал:

– Открыть ворота на полосу для проезда консульского транспорта.

Ворота распахнулись, и машина посла начала движение по полосе. Посол лично видел, как пассажиры борта 3264 из Гаваны, среди которых был и тот, кто так столько интересовал мировых спецслужб, начали спускаться по трапу и садиться в автобус.

Спускаясь по ступенькам, Дрейден окинул взглядом местность. Внизу пассажиров встречали сотрудники службы авиационной безопасности аэропорта и в полицейские в формах рядового состава. На его глазах один из полицейских встал в носу автобуса, который встречал прилетевших. Дрейден вошёл в автобус и начал присматриваться ко всем и ко всему, что его окружало. Подумать только, сейчас эти люди, сидевшие с ним на борту кубинского лайнера, даже не догадываются ни о том, кто он такой, ни о том, сколько народу за ним охотится в прямом и переносном смысле, ни о том, какой ажиотаж вызовет его прилёт уже несколько часов спустя. И ещё труднее представить, сколько трудностей ждёт его здесь, на этой чужой и совершенно незнакомой ему земле. Может ли он доверять здесь кому бы то ни было? Он, которого, как он считал, предала Родина и который даже там не мог никому доверять последнее время? Да и был ли у него выбор?

Капитан, стоявший перед автобусом, подал Дрейдену знак рукой перед самым закрытием дверей, так что тот успел окинуть салон за мгновение до его отправки. Расчёт был только на внимательность и сноровку Дрейдена – упустил момент, и судьба его может быть решена очень даже не импонирующим ему способом.

Полицейский шёл по направлению к борту, стоявшему неподалеку. Тамошние пассажиры так же неспешно спускались по трапу и заполняли автобус, похожий как две капли воды на тот, что секунду назад отошёл от борта 3264 в направлении терминала С. Шёл от него на отдалении, метрах в 10, и на спутника не оборачивался. Когда подошли к автобусу, сопровождающий показал американцу рукой на перевозочное транспортное устройство и проследовал дальше. Без лишних эмоций Дрейден занял своё место, и уже через секунду двинулся к терминалу D, где его появления никто не ждал.

В этот самый момент машина посла остановилась у борта 3264. Здесь она должна будет простоять около часа, с таким расчётом, чтобы скопившиеся в терминале С журналисты смогли «засечь» её и вволю нафотографировать. Операция по отвлечению всеобщего внимания от дорогого гостя началась.

Перешагнув порог терминала D, Дрейден посидел минут 15 в зале прилёта, словно бы ожидая дальнейших указаний от того, неизвестного ему пока ангела-хранителя, что начал сопровождать его с раннего утра сегодняшнего дня. Хоть он и догадывался, что служит сейчас ангел, скорее всего, в ФСБ России, но альтернативы между ангелами у него сейчас не было.

Конечно, он чувствовал на себе взгляд. Чей-то напряжённый и прицельный взгляд. Такой, какой бывает у врачей и сотрудников правоохранительных органов. Но на сближение не пошёл. Пусть фатум сегодня определяет его судьбу.

Фатум не заставил себя долго ждать. Когда Дрейден стал осматривать какую-то музейную композицию, размещённую вдоль стены терминала, к нему сзади вплотную кто-то приблизился. Дрейден напрягся и даже на секунду задержал дыхание, но расслабился, почувствовав как в карман его пальто опускается какой-то конверт. Вскоре связной отошёл от него. Обождя несколько минут, Дрейден всё так же несмело опустил руку в карман и извлёк оттуда визитную карточку гостя консульской гостиницы. Дрейден навёл небольшие справки о структуре

аэровокзала и знал, что на территории этого отеля он, без прохождения паспортного контроля, может находиться 90 дней. Но дорога к нему лежала через терминалы С или D. Самолёт Дрейдена пребывал в терминал С, о чём ещё до полёта было известно как Дрейдену, так и тем, кто, наверняка, ждал его здесь, чтобы возвратиться на историческую Родину, а потому вариант попасть туда американец исключил для себя сразу. Сейчас же эта задача для него решилась. Всё те же ангелы-хранители обеспечили ему попадание в отель, куда Дрейден сразу же и направился.

Оказавшись в номере, американец запёрся и облегчённо выдохнул. Пусть не до конца, но в какой-то степени он мог почувствовать себя защищённым, пусть на непродолжительное время – чувство это его оставило уже давно. И поспать он не смог даже в самолёте, непрерывно обдумывая и просчитывая все возможные варианты развития событий. А потому. Расположившись в номере, Дрейден раскрыл на столе ноутбук, подключил Wi-Fi сети, открыл сайт «Ассошиэйтед Пресс» и присел на кровать, намереваясь отдохнуть за чашечкой кофе – по его подсчётам, в запасе у него было несколько часов, прежде, чем первые новости о его передвижениях попадут в Сеть. Но мягкая перина кровати произвела на американца расслабляющее действие и смешала его планы – не раздеваясь и не расстилая постель, Дрейден во весь рост растянулся на спальном месте и мгновенно уснул.

Как только Гридину сообщили о благополучном прибытии Дрейдена в консульский отель, он распорядился по рации всем сотрудникам собраться в терминале А и контролировать вход в отель, не допуская прибытие туда соотечественников Дрейдена и сочувствующих им граждан иных государств. Остальную территорию аэропорта и близлежащего пространства командующий операцией капитан отдал пока в распоряжение американцев, сделав её полем боя заокеанских спецслужб и российских журналистов.

Встретив в коридоре терминала С своего заместителя, капитан увлёк его за собой, в подвальное помещение аэровокзала. По дороге им встретился выходящий из туалета известный блогер-журналист Клименко.

– И Вы здесь?

– Виктор Николаевич? – Клименко притворился удивлённым, хотя и ожидал увидеть здесь либо Гридина, либо кого-то из его коллег.

– Никак за Дрейденом поохотиться решили?

– Угадали. Кстати, не соизволите ли по старой дружбе коротенький анонимный комментарий на тему?

– Позже, голубчик, позже. Вы пока обратите внимание на сам борт. Там какие-то машины снуют. Как бы не убежала от Вас сенсация.

– Серьёзно? Благодарю. Ну тогда позвольте отклониться.

– Честь имею, – сквозь зубы улыбнулся капитан. И добавил, обратившись к заму, стоило журналисту скрыться за углом: – Недолго ждать господину послу.

Оказавшись в подвальном помещении аэропорта, коллеги вошли в маленький аппаратный отсек, сосредотачивавший в себе какие-то шкафы с оборудованием, компьютерами и мониторами и обслуживаемые тремя сержантами из ведомства Гридина. В данный момент они, все трое, сидели в отсеке в наушниках и во что-то напряжённо вслушивались.

– Ну как? – спросил у присутствующих Гридин. – Обнаружили они себя?

– А то, – один из сержантов протянул командиру распечатку. Пробежав глазами стенограмму запеленгованных радиопереговоров сосредоточенных на территории аэропорта агентов ЦРУ со своей резидентурой. Гридин удовлетворённо хмыкнул и пробормотал: – Птичка в клетке.

До оглашения приговора оставались считанные минуты, когда сотрудник оперативного отдела Алексей Логвиненко вошёл в здание суда, столкнувшись на выходе нос к носу с адвока-

том Антоном Севериным. На пороге его ждал следователь местного Следственного Комитета Анохин.

– Здорово. Был там? – спросил Логвиненко, воздев палец в небо.

– Нет, не хочу попадаться ему на глаза.

– А он пришёл?

– А ты считаешь человек может не явиться на оглашение собственного приговора?

– Ну, наверное, логично.

– Ты с судьёй говорил?

– Говорил.

– И что? Всё плохо?

– Я, конечно, попросил его, но он ничего не обещает. Говорит, что практика последних дней позволяет назначить ему наказание по 73-ей.

– Условно?! За убийство генерала ФСБ получить условный срок?

Логвиненко пожал плечами. На языке их – сотрудников правоохранительных органов – под словами «по 73-ей» понималось назначение судом условного лишения свободы, предусмотренного ст. 73 УК РФ. Иными словами, человеку назначают срок, к реальному отбытию которого он будет понужден только в случае совершения нового преступления. Грубо говоря, до первой оплошности.

– Ну, во-первых, генерал, как тебе известно, был в отставке. А во-вторых, у Абдиева куча смягчающих, в том числе вымогательство со стороны генерала.

– Речь о фирме Абдиева, которую он на него переписал?

– Ты лучше меня всё это знаешь. Короче, я попросил. Он вроде мужик контактный, так что, думаю, на него можно надеяться. Пойдём пока наверх, оценим обстановку.

Коллеги поднялись на третий этаж, где в зале судебного заседания судья Петерс оглашал приговор чеченскому бизнесмену Махмуду Абдиеву, обвиняемому в произошедшем год назад убийстве бывшего генерала ФСБ Анатолия Костенко. И у Анохина и у Логвиненко был свой интерес, чтобы оставить Абдиева, который находился сейчас под подпиской о невыезде и которому очевидно светил условный срок, за решёткой.

На их счастье судья утомился читать 30-страничное описание совершенного Абдиевым злодеяния в виде приговора последнему и объявил 10-минутный перерыв. Логвиненко был с Петерсом в давних приятельских отношениях, что позволило коллегам войти в его кабинет для приватной беседы.

– Разрешите, Василий Васильевич?

– Проходи, – сбрасывая с плеч мантию, отозвался судья.

– Как у Вас?

– Нормально, только тебе это всё равно. Не за этим ты сюда пришёл.

– Ничего от Вас не скроешь.

– Работа такая. Значит, так. По твоему делу я принял Соломоново решение.

– Не сомневался в Вашей мудрости, Василий Васильевич.

– Прекрати. Не перебивай. Так вот. Срок он получит реальный, только область наверняка приговор смягчит. Жалобу на приговор Абдиев и его адвокаты наверняка подадут в течение двух-трёх дней. В апелляцию я направлю дело через пару недель. Плюс ещё неделя пройдёт, пока областной суд его рассмотрит. Вот и считай – у тебя 3 недели, чтобы совершить с ним все необходимые манипуляции. Как говорится, всё, что могу. Успеешь?

– Постараюсь. В этом случае, я Ваш вечный должник, дорогой Василий Васильевич. Огромное Вам спасибо.

– Да ладно тебе. Свои люди, сочтёмся. – И продолжил, сняв телефонную трубку: – Катя, конвой в зал вызови.

Логвиненко и Анохин вышли из кабинета судьи и прошли в зал судебного заседания. Пока он был пустым, у полицейских было время для переговоров.

– Слышал? У нас три недели. Успеем?

– Не знаю. Нужны показания Соболевского и Демихова.

– Ну с Соболем попроще. Про него я выясню у Маркелова, он его закрыл по своей наркоманской статье. А вот Демихова теперь ищи-свищи. За кордоном – это 100%, да ещё и наверняка под чужой фамилией.

Коллеги обсуждали то, ради чего Логвиненко упросил своего приятеля Петерса «закрыть» Абдиева хотя бы ненадолго. Они подозревали – и, как сами считали, небезосновательно – этого чеченского бизнесмена в организации взрывов, произошедших в Волгограде накануне убийства Костенко и так и оставшихся с тех пор нераскрытыми. И названные ими фамилии принадлежали непосредственным участникам этих взрывов. Первым был Леонид Соболевский, арестованный Управлением Наркоконтроля без каких-либо оснований и исключительно по просьбе сына покойного генерала, который до своего отъезда на ПМЖ за границу был дружен с заместителем начальника Управления майором Маркеловым, который и организовал его арест. Отъехал же сын за границу вместе со своей матерью и близким другом отца Игорем Демидовым. ___ последнего сыщики, хоть и не имели достаточных данных для прямого подозрения, как с Соболевским, но были практически уверены к его причастности к взрывам. Теперь, чтобы доказать обвинение Абдиева в терроризме, сыщикам как воздух требовались показания одного, а лучше двух этих фигурантов.

– Да, найти его и уговорить сотрудничать со следствием будет как минимум не просто...

Ты с Маркеловым то разговаривал?

– Да, договорился на встречу в течение часа.

– Слушай, чтоб не терять времени, пересекись с ним, а я здесь пока приговор послушаю.

– Не уверен в обещании судьи? – с иронией спросил Логвиненко.

– Не уверен в твоём обещании насчёт Маркелова, иди давай.

В это время в зал суда вошёл Абдиев в окружении свиты и адвокатов. Недобрым взглядом встретил он своего знакомого Анохина. Присутствие следователя несколько напрягло обстановку и заставило Абдиева ощутить некий дискомфорт.

Он бы и рад был покинуть зал судебного заседания, если бы туда не вошёл судья, продолживший читать приговор.

Чтение продолжалось ещё около 40 минут. Завершил его Петерс словами, повергшими Абдиева в шок:

– Признать Абдиева Махмуда Медисидовича виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ и назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет с отбыванием в исправительной колонии общего режима. Меру пресечения Абдиеву изменить с подписки о невыезде на заключение под стражу, взяв под стражу в зале суда...

В зале поднялся шум. Очевидно было, что ни сам Абдиев, ни собравшиеся здесь его адвокаты, друзья и родственники такого приговора не ожидали. Но эта реакция не произвела впечатления на бесстрастный конвой, защёлкнувший наручники на запястьях бизнесмена и утащивший его в расконвойное помещение в подвале зала суда.

Выйдя на улицу, Анохин сел в машину Логвиненко. На его лице читалось удовлетворение.

– Ну как? Не обманул Петерс?

– Никак нет. Пяток с изменением меры пресечения. А у тебя что? Виделся с Маркеловым?

– Да. Новости двояки. Соболя он закрывал без достаточных оснований, по просьбе Димы Костенко – сына генерала...

– Да ну?! Он же вроде шкет ещё. Что же он там Маркелову наговорил такого.

– Ты не знаешь Маркела? За бабки Родину продаст...
– Вообще ты прав, есть за ним такой грешок. И где же Соболь сейчас?
– Отпустил он его пару дней назад, но полагаю, что соваться к нему напрямую будет чревато. Дёрнет ещё, чего доброго, как и Демихов, за кордон. И тогда последнего свидетеля потеряем.

– А что делать?
– Надо послушать его телефон, наружечку пустить. Ну, присмотреться, одним словом.
– Но это не так просто! Санкция судьи нужна.
– А где мы с тобой сейчас были? Он сегодня дежурный.
– Ты на Петерса намекаешь?
– Не намекаю, а впрямую говорю. Он дежурный, значит, разрешение на прослушку и наблюдение выдаёт сегодня он.

– И что ты хочешь сказать?
– Хочу сказать, что за коньяком беги. Нас судья ожидает.
Спустя несколько минут эти двое вернулись в кабинет судьи Петерса.
– Что Вы мне тут пытаетесь опять втюхать? – сотрясая в воздухе проектом постановления о разрешении оперативных мероприятий, грохотал судья. Видно было, что после много-трудного дела Абдиева вершитель правосудия пребывал не в духе.

– Всё нормально, Василий Васильевич, – наклоняя принесённые секретарём рюмки только что купленным коньяком, говорил Логвиненко – Видите ли, Василий Васильевич, этот Абдиев не только убийца, но и террорист.

– Что ты имеешь ввиду?
– Взрывы в Волгограде помните? Накануне смерти Костенко?
– Думаешь, его рук дело?
– Практически уверен. Нужны показания одного человека.
– За чем же дело стало?
– Парень он сложный. Один неверный шаг и не найдём мы его в радиусе государственной границы. Присмотреться надо, послушать, ____...
– О нём речь? – судья ткнул рукой в постановление.
– Так точно.

Судья внимательным и въедливым взглядом оценил сначала посетителей, затем принесённое ими постановление. Поразмыслив несколько секунд, поставил над документом размашистую подпись.

– Ну, удачи вам, ребята.

Антон проснулся от звука льющейся воды. Осмотревшись по сторонам, он увидел на туалетном столике бутылку шампанского, встал, нашел себе фужер и осушил его залпом. Здесь же, на столике перед зеркалом, лежал телефон его спутницы – судьи железнодорожного районного суда города Самары – Вероники Понкратовой, с которой адвокат состоял в интимных отношениях уже полгода и, которая была причиной его готовящегося развода с женой. Он, в свою очередь, практически поставил крест на ее отношениях с мужем.

Их отношения начались летом этого года, когда Антон волею судьбы в силу исполнения профессиональных обязанностей, оказался в железнодорожном суде в процессе у судьи Понкратовой. Процесс был заведомо выигранный – за другие дела преуспевающий адвокат Северин старался не браться, но проводившая его служительница Фемида произвела на него неизгладимые впечатление.

Однако, неизвестно, как сложились бы их отношения, если бы не работающий в том же суде судья Бурнашов, который был старым приятелем Антона, и, по доброте душевной, разрекламировал профессиональные качества своего друга – адвоката своей коллеге – судье. Она

решила их проверить. Обстоятельства ее карьерного роста на тот момент сложились так, что на службе образовался аврал. В производстве находилась куча дел, в том числе очень сложных. По одному из них она и спросила совета Северина. Проверка данного совета в областном суде доказала его правильность. Затем последовала ещё пара – тройка обращений. А затем все фактически завершилось рестораном и постелью. Ей в нем понравились ум и самостоятельность, ему в ней – слабость и готовность подчиняться, что он всегда вкладывал в понятие «умение быть женщиной» и чего ему не хватало ни в своей нынешней жене, ни в прочих женщинах, коих на своем веку он повстречал косою десяток. По итогам двух – трех месяцев тесного общения решено было создать семью. Правда, им то и дело мешали те или иные обстоятельства, но и Антон, и Ника списывали их на временные трудности и от своей затеи не отказывались. Единственное, чего она боялась настолько, что даже не хотела говорить об этом – это, чтобы Антону не понравились существующие отношения формата «любовник – любовница» настолько, что он сохранил бы их на будущее время. Но страхи ее были беспочвенны, равно как чисты и тверды были его намерения.

Антон изучал смс-ки в телефоне Ники, когда она, завернутая в полотенце, вышла из душа.

– Все адвокаты шарят по чужим телефонам? – съязвила она, застав его за явно противоправным занятием.

– Нет, только те, что сият с судьями, – в чувстве юмора он ей не уступал.

– Бессовестный, – она подошла к нему вплотную и поцеловала его в губы с такой нежностью, что него закружилась голова. Почуввав вкус шампанского на его мягких распухших губах, она спросила: – Пил?

– Ничего от Вас не скроешь, Ваша честь.

– И не надо. Лучше налей мне тоже, – сказала она, возвращаясь в незаправленную кровать. Через минуту Антон, державший в руках два наполненных фужера, присоединился к ней.

– За что выпьем?

– Давай за наших детей?

– Давай. А сколько их будет?

Ника задумалась.

– Я хочу от тебя двоих. Двух мальчиков. Таких же умных как папа.

– И красивых как мама... Только я хочу одну дочку...

– Хм... А ты не станешь меня меньше любить, если я тебе дочку рожу?

– Что за глупость? Я буду любить тебя ещё сильнее.

– Допустим. А как назовём дочку?

– Мне нравится имя Иванна. А тебе?

– Иванна... Красивое имя... Никогда не сомневалась в твоём вкусе... Так, когда приступим к ее созданию?

– Да хоть сейчас. Ты не говорила с ним... Опять тянешь время... Почему? Ты во мне не уверена?

– Что за ерунда? Была бы я в тебе не уверена – ты бы не лежал сейчас в моей постели...

– Хм... А я был уверен, что это ты лежишь в моей постели...

– Ладно, соглашусь. Мне нравится тебе подчиняться. Так о чем ты хотел поговорить со мной?

– Когда?

– Ну там, в ресторане.

– Ах да... Послушай, какие у тебя отношения с Авлошиной?

– Из арбитража?

– Да.

– Официальные. Мы с ней учились в университете. Что от неё надо?

- Угадай с трёх раз.
- Решение? Ты представляешь истца или ответчика? Что за дело вообще? Перспектива есть?
- Ты меня знаешь, перспектива практически стопроцентная.
- Поподробнее.
- Тут – вот в чём дело. Около месяца назад со мной по скайпу связалась гражданка Австрии Олеся Костенко, русская по происхождению. Ей принадлежит одна крупная компания. В своё время её покойному мужу задолжал её бывший хозяин – известный чеченский бизнесмен, некто Абдиев, ты его, наверняка, знаешь. И по настоянию супруга этот Абдиев фирму на неё переписал. Перерегистрацию в налоговой конторка не прошла, так как вскоре после состоявшейся купли-продажи мужа Олеси этот самый Абдиев убил, а сама она, опасаясь за свою жизнь, уехала на постоянное местожительство в Австрию, где и проживает до сих пор. Теперь же этот Абдиев закуил удила и сделку по продаже фирмы оспорил в арбитраже...
- Дело в производстве у Авлошиной?
- Угадала. Она ещё и по его ходатайству обеспечительные меры приняла, запретила налоговой производить перерегистрацию. Абдиев, наверняка, понимает, что, случись сейчас перерегистрация продай Олеся Костенко фирму на сторону – не видать ему конторы как своих ушей.
- Твои планы?
- Встречный иск о признании сделки действительной.
- Но ты же понимаешь, что, если Авлошина уже приняла иск о признании её недействительной, то обратное уже вряд ли получится?!
- Понимаю. Этот иск нужен мне, чтобы иметь возможность ходатайствовать об отмене обеспечения.
- И за это время фирму продать?
- угадала. Вероятность удовлетворения иска Абдиева высока, так что это – единственный способ спасти фирму из его хищных рук. Так что на тебе лежит сверхважная задача поговорить с Авлошиной насчёт отмены обеспечения.
- Мда... Незавидную роль ты мне уготовил... Что ж, поговорить можно. Что обещать ей за это?
- Думаю, полмиллиона. И пару сотен за посредничество.
- Семейный бюджет наш транжирить начинаешь?
- Ни в коем случае. За это дело я получаю ровно половину от уставного капитала фирмы, так что наш с тобой потенциальный семейный бюджет не пострадает ни на йоту.
- Когда потенциальный станет реальным? – в миг посерьёзна Ника.
- Что ты имеешь в виду?
- Когда ты расскажешь всё жене?..
- Она всё знает, – Антон ответил резко и так же резко стал каким-то напряжённым.
- Что напрягся?
- Антон пристально посмотрел на свою собеседницу, стараясь следующей фразой как-то разрядить обстановку.
- Да вот, думаю, выставит она мои чемоданы по приходу домой. И идти-то некуда – у тебя муж дома...
- Не переживай, она скорее их подальше запрячет. За таких мужиков держаться двумя руками.
- Чем же я лучше твоего супруга?
- Кто это тебе сказал?
- Ну хотя бы ты. Почему же ты за него так не держишься?

– Здесь дело не в его или твоих, а в моих особенностях. Я привыкла, видишь ли, всего сама добиваться.

– Ты сама себе противоречишь. Когда женщина говорит о том, что привыкла всего добиваться самостоятельно, это, как минимум, не лучшим образом характеризует находящегося рядом с ней мужчину.

– Возможно, ты и прав. Возможно, ты и не такой. А возможно – такой. Как бы то ни было, я люблю тебя одного и хочу, чтоб ты знал, что и Авлошина, и вообще все твои просьбы я выполняю только из любви к тебе...

Сегодняшняя просьба Антона сводилась всё к тому же коррупционному фактору. Он попросил судью обратиться к его коллеге на предмет отмены принятых последним обеспечительных мер. Необходимо в двух словах объяснить, что это такое и с чем это едят, чтобы понимать, какие конкретные цели стояли перед адвокатом Севериным.

Любой, кто хоть раз столкнулся с судебной системой, понимает, что получить решение суда ещё не означает исполнить его. И если истец, обращаясь в суд, опасается, что исполнить решение будет затруднительно, – например, за длительное время рассмотрения дела ответчик реализует имущество или иным образом создаст условия, при которых исполнить решение будет невозможно, – он вправе испросить у суда обеспечительные меры. В США тоже самое называется «судебным департаментом». В этом случае суд запрещает ответчику совершать определенные действия, а контроль за его поведением возлагает на судебных приставов или иной государственный орган. Например, налагая арест на имущество ответчика и запрещая ему тем самым распоряжаться своим имуществом, суд сообщает об этом в Росреестр с тем, чтобы регистрирующий орган воспрепятствовал перерегистрации недвижимости, – или в ГИБДД – которая, в свою очередь обязана заблокировать сделку с транспортом ответчика.

Действуя по этому же принципу, судья арбитражного суда Авлошина запретила налоговой инспекции осуществлять регистрацию сделок с фирмой Абдиева, понимая, что, продай её Олеся Костенко за время рассмотрения дела – и исполнение решения станет невозможным (если, конечно, суд решит иск удовлетворить). В это же время, изучив материалы дела, Антон понял, что единственный способ избежать возврата фирмы её законному владельцу Абдиеву – продать её, пусть даже фиктивно, третьему лицу. А необходимой к тому предпосылкой должна стать отмена принятых обеспечительных мер, благо у Авлошиной такое право имеется. Соответственно, от неё зависит его возможная реализация.

В старину на Руси взяточничество подразделялось на два вида: мздоимство и лихоимство. Отличие первого от второго состояло в том, что во втором случае нечистый на руку чиновник брал мзду за использование своих законных полномочий, а во втором – за лихо, то есть за уклонение от этого либо манкирование службой в ином смысле или с целью причинить вред другому лицу. За/я уголовной ответственности государеву чиновнику не грозило.

По данной квалификации Северин испрашивал от Авлошиной мздоимства, а потому, если брать за основу морали законодательство Киевской Руси, судья не совершала ничего противоправного. Волеизъявление же почтеннейшей блюстительницы зависело сейчас от просьбы Ники, а в ней Северин был уверен – как в профессионале, так и в женщине.

...Машина адвоката плавно остановилась на парковке возле дома Понкратовой.

– Буду скучать, любимый.

– Я тоже. Цветы не возьмёшь?

– Понимаешь...

– Понимаю – трудно будет объяснить...

– Ты женщина у меня... Господи, ну за что мне такое счастье...

– Это ты моё счастье. Беги. Я ведь люблю тебя, а потому должен о тебе беспокоиться и заботиться...

– Сказал человек, не отпустивший меня домой сразу по окончании рабочего дня.

- Сердцу не прикажешь.
- И тестостерону тоже.
- Не опошляй, тебе это не идёт.
- Приму к сведению. Во сколько у тебя завтра встреча с Авлошиной?
- Заседание в три.
- Замечательно, значит, время у меня будет.
- Я позвоню.
- Я люблю тебя.

Он проводил её взглядом до подъезда и увидел, как зажёгся свет в её комнате. Выйдя из машины, он подошёл к стоявшему недалеко её джипу и старательно вывел на заснеженном капоте англоязычное признание в любви. Увидевшая его бабка – соседка пожурела супостата :

– Вот хулиган...

Не успела она договорить, как он подскочил к ней и вручил оставленный избранницей букет.

– Это Вам.

Ошалевшая старуха не сразу поняла смысл содеянного, стояла в оцепенении, пока его машина не покинула стоянку.

...Утро адвоката началось в районе полудня. Вечерний скандал с женой стал уже традиционным, настолько, что, не заставая её перед ясные очи в начале дня, Северин немножко радовался этому. В глубине души.

Взяв с прикроватной тумбочки телефон, Северин набрал номер Понкратовой.

– Проснулся, котяра? – возлюбленная была осведомлена о распорядке дня правозащитника.

- В некотором роде.
- Почему без настроения?
- Тебя рядом нет.
- Или Авлошиной?
- Предвкушаю вопрос. Поговорила. Всё ОК. Привози, что обещал...

Трудно было сказать, что именно радовало Антона больше в это «утро» – перспектива удачного процесса или перспектива встречи с любимой. Как бы то ни было, долетел он до железнодорожного суда за считанные минуты, несмотря на немалое расстояние, отделявшее его дом от храма правосудия.

Вероника улыбнулась, увидев в дверном проёме огромный букет цветов и влезавший в кабинет сквозь розы Северина.

- Привет.
- Здравствуй, любимая.

По её лицу было видно, что она немного стесняется откровенничать с ним на романтические темы на рабочем месте. Виной всему была её помощница, не вовремя вошедшая в кабинет и ставшая невольной смущённой свидетельницей неуставных отношений её шефини с назойливым, хоть и приятным, адвокатом. Минутную паузу прервала хозяйка кабинета.

– Настя, я позже Вас позову.

Глупо улыбаясь, помощница покинула кабинет судьи. Заперев за посетительницей дверь и не успев снять мантию, Ника бросилась в объятия Северина.

- Я так соскучилась...
- И я, моя радость.
- Я поговорила с Авлошиной, она сказала, что удовлетворит ходатайство об отмене обеспечения в случае предъявления встречного иска. У тебя всё готово?
- Конечно, готово. Хотя о чём ты, Господи?! Как тебя дома встретили?
- А ты сам не догадываешься?

- Ну хоть без скандала?
- Ты знаешь, он не скандалист. Обиделся только очень.
- Это понятно. У меня сложнее.
- Естественно, ты же мужчина, на тебе и ответственность больше.
- И чего мы ждём? Что мешает нам уже сейчас быть вместе?
- Это ты у меня спрашиваешь?
- Да, потому что у меня всё будет готово через неделю. И ничто не сможет помешать нам...

– Будь осторожен в выражениях. Ты слишком категоричен.

– Разве не за это качество вместе с детской непосредственностью тебя во мне подкупило?

– Не знаю. Полюбила я тебя, любовь и подкупила.

Антон на раннем этапе отношений очень долго не мог добиться от неё этих слов, поэтому сейчас ему ничего не оставалось, кроме как поцеловать её так нежно, как только он это умел. Растворяясь сейчас в темноте её губ, он и впрямь не мог подумать, что на таком ныне безоблачном небосклоне может вдруг разыгаться буря.

– ...Суд определил: ходатайство удовлетворить. Меры по обеспечению иска отменить...

Прошу садиться...

Адвокат Абдиева и его доверенное лицо Гаджиев смотрели то на Антона, то на Авлошину, ещё вчера срывающую на него зло в судебных заседаниях и внезапно сменившую гнев на милость как баран на новые ворота. По всему было видно, что к такому развитию событий они, мягко говоря, не были готовы, настолько, что даже не успели понять, как поддержали следующее заявленное Севериным ходатайство.

– Ещё ходатайства имеются?

– Да, Ваша честь. В связи с принятием встречного иска я прошу отложить дело слушанием.

– У второй стороны возражения имеются?

– Нет, уважаемый суд... Мы не согласны с определением.

– Это Ваше право, можете его обжаловать, что не приостанавливает его исполнения...

Так, Северин, Ваше ходатайство удовлетворяется, судебное заседание откладывается...

«Спасибо, всё отлично, люблю тебя, детка», – отправив СМС такого содержания, Северин на всех парусах помчался в нотариальную контору, чтобы удостоверить договор купли-продажи доли в уставном капитале бывшей абдиевской фирмы в пользу друга Северина, Сергея Кочергина. После регистрации данного договора в налоговой инспекции смысл арбитражного разбирательства для чеченского бизнесмена утрачивался навсегда, а доля в уставном капитале навсегда оседала в карман Северина. От этих мыслей у адвоката заболела голова, и прошла только, когда он оказался в приёмной своего однокурсника – руководителя налоговой инспекции.

– Значит, ты хочешь ускорить процедуру регистрации? – спрашивал его хозяин кабинета.

– Так точно.

– Но я вижу здесь, в регистрационном деле, определение о запрете...

– Оно уже отменено, – с удовлетворением произнёс Северин, кладя на стол только что полученное определение судьи Авлошиной.

– Ну тогда... думаю, вопросов нет.

– Я твой должник...

– Пустяки... Поставишь бутылку коньяка – буду рад...

– Ящик.

– Хозяин – барин. Но – одно условие.

– ???

– Пьём вместе.

Выйдя из налоговой, Северин связался со своей заморской клиенткой и договорился о встрече послезавтра в её загородном доме под Ганновером. Конечно, предложенная ею цена не совсем устраивала Антона, но он планировал сторговаться с ней и поднять цену за фирму хотя бы до той, которая позволила бы ему и Веронике не работать ближайший год. Именно об этом он думал, когда двое подошли к нему в зале ожидания аэродрома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.